

УДК 82-1/-9

DOI: 10.17223/19986645/48/13

Н.Е. Никонова

**СОБРАНИЕ НЕМЕЦКИХ СОЧИНЕНИЙ И АВТОПЕРЕВОДОВ
В.А. ЖУКОВСКОГО: ПРИНЦИПЫ НАУЧНОГО ИЗДАНИЯ TEXTE EN
REGARD И ЕГО МЕСТО В ЭДИЦИОННОЙ ИСТОРИИ
НАСЛЕДИЯ ПОЭТА¹**

*В статье освещаются основные принципы готовящегося научного издания немецких сочинений и автопереводов В.А. Жуковского, для которого выбран формат *texte en regard*, предполагающий параллельное расположение оригинала и перевода. Цель статьи – осмысление содержательности этого формата и его места в истории мировой книжной культуры в контексте творческой биографии Жуковского-читателя, писателя, педагога и мыслителя, а также в эдиционной практике его наследия в XX–XXI вв.*

*Ключевые слова: В.А. Жуковский, автоперевод, научное издание, *texte en regard*, литературный мультилингвизм.*

В 2016 г. вышел в свет XI том первого Полного собрания сочинений и писем В.А. Жуковского [1, 2], завершающий издание сочинений и дневников поэта, осуществленное под руководством А.С. Янушкевича. Хотя впереди подготовка шести томов эпистолярия, промежуточные результаты этого эдиционного и исследовательского проекта в контексте современных тенденций в гуманитарной науке позволяют по-новому взглянуть на наследие первого русского романтика, наставника царской фамилии и «гения перевода» и поставить очередные актуальные задачи, одна из которых связана с введением в научный оборот его иностранных сочинений и автопереводов.

Впервые к немецким сочинениям и автопереводам поэта обратился Д. Герхардт, опубликовавший более четырех десятилетий назад научную статью [3], в которой упоминается о более чем 10 поэтических текстах, о немецких вкраплениях в эгодокументах и немецких прозаических публикациях Жуковского. Справедливо заметив, что «если сравнивать с великим, ярким пламенем русских стихотворений, то те немногие немецкие искорки, которые отлетели от поэзии Жуковского и скоро были развеяны дуновением ветра XIX столетия, как и проза его немецких газетных статей, где он пытался отстаивать посреди революционной бури идеальный образ самодержавия и идеалы русской культуры, сегодня не привлекают внимания исследователей, не говоря уже об интересе читателей», Д. Герхардт заявил и о своем намерении «при случае представить те тексты, которые удалось полностью атрибутировать» [3. Р. 153]. Его плану не суждено было осуществиться, но невозможно оспорить актуальность воплощения задуманного им, сохранившуюся донныне. И если в середине 1970-х гг. немецкий славист рассматривал в каче-

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 16-04-50012) и гранта Президента РФ (МД-4756.2016.6).

стве основания для подобного издания его значение для своих соотечественников, подчеркивая, что «наследие, которое нам оставил видный русский поэт, долгое время проживший на нашей земле, для того чтобы мы прочли его на нашем языке, заслуживают нашего почтения», то сегодня собрание немецких сочинений и автопереводов Жуковского «как факт важнейшего посредничества между Россией и Западом» [3. Р. 154] представляет интерес и для российского читателя.

В готовящееся издание войдут как минимум два десятка поэтических и прозаических текстов В.А. Жуковского на немецком языке, а также их русские варианты. При этом речь идет преимущественно о сочинениях, которые вышли в свет единственный раз, при жизни поэта в Германии, что позволяет избежать текстологических дискуссий о выборе канонического варианта произведения. В корпусе немецких произведений находятся 8 поэтических посвящений современникам (в частности, И.В. Гете и графине Ю. фон Эглоффштейн, супруге Е. фон Рейтерн, графине О. Бобринской, генералу И. фон Радовицу), 6 составивших изданный в 1850 г. «для немногих» немецкий том автопереводов стихотворений (включая «Сказку об Иване-царевиче и Сером Волке»), а также 3 публицистические статьи, напечатанные анонимно в германских газетах 1848–1850 гг., в том числе самый крупный и во многом итоговый прозаический очерк об И. Радовике. Из черновых рукописей предполагается извлечь 3 немецких автоперевода, выполненных собственноручно в 1818 и 1850 гг., речь идет о переводах баллад «Эолова арфа», «Светлана» и «Узник», принципиально важных для понимания динамики творческого пути Жуковского-поэта, педагога и переводчика собственных произведений на немецкий язык.

Для первого научного издания немецких сочинений и автопереводов В.А. Жуковского выбран формат *texte en regard*, предполагающий параллельное расположение оригинала и перевода. Такая композиция книги воплощает определенную форму художественного сознания, принципиально важную для понимания литературного метода поэта и его эпохи, и заслуживает отдельного разговора.

Сосуществование оригинала и его вариации на одном развороте книги или на одном листе манускрипта изначально восходит, как и сама история перевода, к бытованию священных текстов. Присутствие канонического религиозного текста выступает при этом манифестацией его непреложной ценности и статуса, перевод же имеет вторичное, поясняющее значение, не претендуя на равноправие с подлинником. Наличие оригинала призвано продемонстрировать принципиальную его непереводаемость, а точнее, грань, не подлежащую забыванию, но сам факт существования перевода визави с оригиналом утверждает возможность прикоснуться к неприкасаемому, к ранее недоступному. Формат *texte en regard* представляет собой особую форму билингвизма, появившуюся с изобретением книгопечатания, понятную и органичную для европейской словесности, сохранявшей и развивавшей полиязыковую доминанту на протяжении многих веков, предшествовавших закреплению национальных традиций в словесной культуре, в истории ее создания, чтения и издания. В истории книжной культуры формат постепенно приобретал новую функциональную нагрузку, соответствующую идеалам времени. Смысл со-

присутствия двух разноязычных текстов в эпоху Реформации и Просвещения несколько изменился; коммуникативная установка параллельного расположения текстов трансформировалась в получивших широкое распространение изданиях античных классиков: акценты сместились с подлинника на перевод, сменив признание абсолютного статуса канона, на первый план вышло внимание к переводу, его автору и его реципиенту.

Двухсторонняя содержательность параллельного представления текстов-эквивалентов является сущностной чертой исследуемого типа издания, ее предназначение видится главным образом в обнажении той границы взаимодействия, которую следует обнаружить, чтобы попытаться преодолеть, для успешного межкультурного контакта на территории словесности. Именно этот феномен назван М.Н. Виролайнен «продуктивностью непереводаемости», не в узко лингвистическом смысле, но «в контексте языков культуры» [4]. Говоря о когнитивных механизмах речепорождения, исследователь подчеркивает особую продуктивность фиксации на границе, выводящей «субъект из состояния равенства себе и вовлекающей в новые связи», и приходит к справедливому выводу, что «одним из залогов продуктивности культуры является неоднородность» [Там же. С. 34]. Констатация этой неоднородности за счет демонстрации **гетерогенности языкового поля** и выступает основным содержанием, которое несет в себе архитектура издания *texte an regard*.

Русская словесная культура первой половины XIX в. была выведена на путь продуктивного диалога с инациональными традициями во многом благодаря усилиям В.А. Жуковского-педагога, редактора и переводчика. Содержательность и принципиальная важность эдиционной формы параллельного представления текстов оригинала и перевода для осмысления наследия поэта следует не только из опытов Жуковского-автора изданий, но в большей степени из его опытов как читателя, наставника и писателя, точнее, автора рукописей, в которых зафиксирована графика творческого процесса.

В дошедшем до нас фонде личной библиотеки романтика насчитывается более двух десятков книг, в которых перевод следует параллельно оригиналу, среди них французское и немецкое издания Горация 1803 и 1804 гг., вышедшие в Париже двухтомники сочинений Ювенала (1803) и Цезаря (1776), «Царь Эдип» Софокла (1828), «Одиссея» Гомера (1833) и др.; значительная часть произведений содержит пометы, записи, рисунки читателя. Однако параллельные издания выступают в круге чтения поэта не только в традиционной для себя роли (подспорья при изучении античных классиков), но становятся площадкой для креативной деятельности по порождению собственного дискурса, маркером активной читательской позиции, поскольку **прошивка книги дополнительными листами**, предназначенными для записей, с самого начала пути широко практиковавшаяся поэтом, является созданием собственного формата *texte en regard*. В параллельные Жуковским были переведены многие и многие издания, особо значимые, избранные. Не все вшитые листы оказались заполненными, но те из них, которые сохранили автографы поэта и его современников, несут богатый материал для исследования словесной и духовной культуры, а в некоторых случаях представляют важнейшие свидетельства живой (авто)коммуникации, не находящие аналогов в книжных собраниях русских классиков, как, например, экземпляры брошюры

И.Г.Б. Дрезеке, раскрывающие историю отношений с М. Протасовой и ее рефлексy на протяжении всей жизни романтика.

Свои размышления о виде творчества, инспирированного соседствующим с подлинником незаполненным листом, Жуковский изложил предельно ясно и емко, оформив их в педагогическую и философскую концепцию, получившую в литературоведении название «философия фонаря». «Положите себе за правило каждый *день наполнить одну страницу выписками*, этого довольно: день не будет потерян. Когда все выписки кончатся, то перечитать книжку *вместе с ними* – это окончательное чтение все возобновит в мыслях и все приведет в порядок. Но эти выписки не займут *всей* этой белой книги, останется большая половина ее *белой*: она для *дополнений*. Что найдете в других книгах прямо прекрасного, такого, что может быть годно для *зажжения светлого фонаря*, то записывайте сюда; но еще более записывайте то, что придумаете сами» [7. С. 137]. Чистые листы должны были научить читать, переводить, размышлять: «...читать *не для рассеяния*, а для того, чтобы чтением *дополнять уроки жизни*; очистить и возвысить душу, дать мыслям ясность, порядок и полноту; яснее постигнуть свою цель и беспрестанно усиливать свое к ней стремление; читать не много, но много *мыслить*, дабы чужое обратить в собственное» [7. С. 137].

Опыты Жуковского-издателя отражают развитие парадигматических изменений в отечественной литературе, зарождение принципиально новой имагологической концепции, ориентированной на обоснование культурной самоидентификации за счет соотнесения с чужой литературой и искусством. Истоки художественного сознания Жуковского-издателя восходят во многом к его деятельности в «Вестнике Европы» (1807–1811), призванном представить традиции и инновации европейской культуры широкому кругу отечественных читателей в столицах и провинции. На страницах периодического издания по понятным причинам основным видом рецепции выступали публикации на русском языке, хотя это не воспрепятствовало созданию имеющих самостоятельную ценность немецкого, английского и французского «текстов» [5, 6].

Форма *texte en regard*, к которой поэт обратился, задумав издание «Для немногих» (1818), ознаменовала продолжение этих экспериментов. Напечатанные параллельно оригиналам переводы из Шиллера, Гете, Уланда и других поэтов вобрали в себя творческие поиски в области вокального перевода, педагогические задачи, связанные с назначением учителем царской фамилии, и биографические мотивы, выразившие крушение надежд на брак с М.А. Протасовой. Издание само по себе представляло некоторую границу, как в личной и профессиональной судьбе Жуковского, так и в истории русского художественного перевода [8. С. 74–97].

Продуктивность полиязыкового мышления Жуковского-издателя получает новое оформление в конце 1820-х – начале 1830-х гг. в альманахах «Собиратель» (1829) и «Муравейник» (1831), объединивших различные фрагменты на русском и иностранных языках. Исследователями убедительно показано, что эти проекты, как и предыдущие, воплощают в себе педагогические опыты Жуковского-воспитателя [9], получившего роль наставника великого князя, а также поиски новых форм словесного искусства [10]. Особый интерес пред-

ставляют варианты полилингвизма на страницах изданий: к соприсутствию оригинала и перевода, т.е. уже апробированному формату *en regard*, прибавляются новые формы, как поэтические, так и прозаические. В «Собиратель» наряду с обновленными редакциями переводов из Гердера, Гассе и Бюффона включаются фрагменты в стихах (из Шиллера, Гердера, Расина и др.) и прозе, не снабженные переводом или даже именем автора оригинала, при этом границы между рубриками, как и границы между языками, четко не обозначаются, поскольку конститутивный принцип экспериментального формата полиязыкового целого определяется идеей универсализма. Слияние чужого и своего текста под обложкой «журнала одного автора», родного и иностранных языков, прозы и поэзии оказывается продуктивным для выражения «своей философии человека», своей педагогики и актуальной для русской литературы «идеи синтетического искусства, романтического универсума» [11. С. 185].

Собравший переводы подопечных Жуковского-учителя царской фамилии «Муравейник» (1831) выразил оригинальную методiku, в рамках которой «перевод служил не только средством закрепления в памяти сюжетов, о которых рассказывали лекторы», но «выступал в функции важного инструмента понимания и усвоения тех книг, которые ученики читали самостоятельно в свободное от занятий время» [9. С. 25]. Выросший из педагогической деятельности, а именно из переработок текстов, связанных с темами, пространством и ключевыми фигурами средневековой европейской истории, «Муравейник» стал отражением рефлексии, в которой поэт непосредственно общал своих учеников к различным культурным и литературным традициям. Эта практика чтения, перевода и издания возымела **государственное значение**. По замечанию Д. Ребеккини, она «подталкивала наследника к тому, чтобы тот сопоставлял гражданское и культурное развитие России с развитием других европейских народов и одновременно заимствовал многие важные культурные достижения последних», т.е. служила «прекрасным упражнением и в свете будущей политической деятельности монарха» [9. С. 26–27].

Финальный этап жизни и творчества поэта, связанный с женитьбой и переездом в Германию, получил свое воплощение в целом ряде опытов по переводу и изданию. На этот раз предметом исканий стали стратегии переноса собственных (как оригинальных, так и переводных) русских сочинений на немецкую почву, которые открыли новый канал трансфера родной словесности, новую перспективу самопозиционирования и рефлексии, продолжение педагогической деятельности при обучении русскому слогу членов своей семьи. Для поэтического сборника «*Ostergabe für das Jahr 1850*» («Пасхальный подарок 1850 года») были отобраны этапные стихотворения, при этом мотивы выбора текстов для автоперевода были продиктованы, как это свойственно Жуковскому, двумя в равной степени важными установками – индивидуально-личностной, происходящей из контекста творческой биографии, и коммуникативной, обеспечивающей успех или как минимум эквивалентное восприятие читателем-реципиентом. Поэтому автор собрания из шести поэтических творений представлял придворным поэтом, понятным немецкому современнику репрезентантом духовного (высокого) литературного бидер-

майера, несущего к святому празднику Пасхи актуальные уроки жизненной христианской философии.

Открыл издание автоперевод поэтического фрагмента «Предназначение поэта» из статьи «О поэте и современном его назначении», который, как известно, составлен из стихов выполненного Жуковским перевода драмы немецкого драматурга Ф. Гальма «Камознс», однако об этом источнике в немецком сборнике не упоминается. Заглавное стихотворение заключало в себе поэтическую формулу, ставшую в русской культуре эмблемой поэтики Жуковского. Однако в составе немецкого календарного издания сентенция «Поэзия есть Бог в святых мечтах земли!» обретала иную референцию, прочно связывая образ автора-поэта с концептосферой духовно-религиозной поэзии высокого бидермайера.

Вторым в сборник вошел еще один обратный перевод с немецкого – автоперевод одного из популярнейших у немецких читателей «Алеманнских стихотворений» (1803) классика бидермайера, «часто недооцениваемого автора стихотворений и календарных рассказов для народа» И.П. Гебеля, произведения которого «являются уже двести лет частью немецкого литературного и школьного канона» [12. С. 342]. На этот раз имя автора немецкого подлинника указывалось в подзаголовке «По мотивам одного из Алеманнских стихотворений Гебеля» («Frei nach dem Alemannischen Gedichte Hebel's»), связывая текст и имя его русского автора с богатой традицией народной поэзии. В то же время обратный перевод «Воскресного утра» задавал необходимую систему пространственно-временных констант миропредставления христианина-селянина: кладбище и церковь, утро и ночь, радость земной жизни, устроенной по религиозному порядку и открывающей путь к вечности.

Следующее третьим элегическое «An die See» («Море») обернулось в автопереводе трогательной любовной историей о возвышенном чувстве лирического героя, при этом образ моря в автопереводе воплощал женский лик возлюбленной [13. С. 232–235]. Именно этот ход посчитал удачным с точки зрения парадигматики субпереводчик Жуковского генерал Криг, считавший, что немецкое стихотворение определено будет «иметь успех у дам» [Там же. С. 229–230].

Четвертым и самым крупным произведением немецкого собрания стала «Сказка об Иване царевиче и Сером Волке», русский подлинник которой, как отметила С.В. Березкина, «отразил личные впечатления поэта от пребывания при дворе русских императоров» и «тоскливое воспоминание о России», а также «идеал отношений царского сына с наставником» [15. С. 524]. Стратегия перевода сказки отличалась от способа обхождения с другими поэтическими творениями при переносе на немецкий язык. С одной стороны, сказка не нарушала народно-христианского колорита пасхального сборника духовных стихотворений как на уровне хронотопа, так и на уровне вербально-дискурсивного оформления образов центральных персонажей. В качестве ключевой обозначалась сцена пира по случаю венчания Ивана и Елены Прекрасной, куда царь Демьян «в соответствии с евангельским призывом» пригласил «всех и в том числе нищих», а в черновой редакции поэт упомянул также «глухих, немых, слепых, безногих и калек» [Там же. С. 525]. В речи

персонажей сказки в изобилии присутствуют маркеры, указывающие на их принадлежность духовно-религиозной парадигме мышления. Упоминания о Боге присутствуют в лексиконе царей, представляющих разные страны, нравы и, судя по всему, разные конфессии (Демьяна Даниловича и Далмата), а также в репликах волшебных персонажей (Серого Волка, Коня Златогрива, Кошечки бессмертного и Бабы Яги), причем в немецком переводе этих упоминаний насчитывается больше, чем в русском оригинале.

С другой стороны, стратегию перевода «Сказки» в целом следует считать фореинизирующей, т.е. передающей инаковость языкового и образного строя, поскольку соавторы попытались донести в переводе те смыслы, которые были в меньшей степени органичными принимающей лингвокультуре, чем поэтическая семантика контекста собрания немецких автопереводов. Сохранилось звучание имен персонажей благодаря транскрипции (Damian Danilowitsch, Klim Zarewitsch, Baba Jaga и др.), была применена система поясняющих знаков в отношении дословного перевода русских пословиц, устойчивых словосочетаний и поговорок. Среди более чем 20 отмеченных астериском фрагментов есть точные переводы выражений «служить верой и правдой» («Von jetzt an dien' ich dir, in Recht und Glauben!»), «давай Бог ноги!» («Gott geb' Füße!»), «долго ли, коротко ли» («Und dauert's wenig oder dauert's lange»), «утро вечера мудренее» («der Morgen // Ist weisser als der Abend») и др. Ко многим из них можно было бы отыскать эквиваленты, органичные немецкому фольклору, однако в задачи поэта входило, очевидно, сохранение аутентичной образности русского народного слога. В результате главным оригинальным творением русского поэта Жуковского в глазах читателей его собрания стихотворений выступала «Сказка».

Интересную перегласовку обрел предпоследний текст немецкого сборника – частичный автоперевод «Подробного отчета о луне» (1820), из «метатекста» которого в немецком варианте остались два фрагмента, что было засвидетельствовано в заглавии «Zwei Mondschein-Gemälde (Fragmente)» («Две картины при лунном свете (отрывки)»). Поэтическая семантика немецкого стихотворения лишена игровых, пародических аллюзий, выстраивающих русский «Отчет», естественным образом исчезают все интертексты поэзии Жуковского за исключением основного – селенологического, как и подзаголовков с указанием царского «адреса» заказчицы русского «Отчета», императрицы Марии Федоровны. В результате вниманию читающего по-немецки реципиента представляется контаминация, в которой смыслообразующей осью выступает движение от батальной зарисовки, полной горечи от осознания неизбежной обреченности ратников, к пейзажной зарисовке вида лунной ночи у пруда, открывающегося из монаршего дворца. Напоминание о войне с французами, объединившей Россию и Пруссию, в контексте русофобских настроений в немецком мире середины XIX в. вряд ли выбрано Жуковским случайно, как и пространство второй сцены, заявленное в начале («auf der Terasse des Zarenhauses» / «на террасе царского дома»). Две финальные строки немецкого нерифмованного стихотворения соответствуют русским «Понятное знаменованье // Души в ее земном изгнанье: // Она небесного полна, // А все земным возмущена», вводя в заглавную позицию ожидающуюся читателем пасхальной сборника календарной поэзии прописную истину духовно-

назидательной литературы высокого бидермайера о неизбежной греховности человеческой души в бренном мире.

Наконец, заключительный автоперевод «Посвящения к поэме “Наль и Дамайанти”» представил характерную для немецкого бидермайера тему старости, подведения итогов собственной земной, частной жизни, этапы которой оказались обозначенными посредством сменяющих друг друга женских образов «небесных сестер» Жуковского, вызвавших дискуссию в жуковсковедении, не оконченную и сегодня [14. Р. 271–284]. «Посвящение» в составе финального немецкого сборника Жуковского могло быть эквивалентно воспринято и теми «немногими», кто не мог прочесть биографического подтекста, поскольку стихотворение представляло форму поэтической медитации, снискавшую широкую популярность в литературе бидермайера, с одной стороны, и традиционный жанр поэтического послания монаршей особе, принятый в кругу европейских придворных поэтов, – с другой. В то же время завершающее сборник сочинение выступало метафорой подведения итогов частного жизненного пути, увиденного сквозь призму дорогих сердцу поэта, обожествляемых им женских ликов. Обе эти концептосферы были понятны и приятны пиетистским настроениям читателей религиозной поэзии немецкого бидермайера.

Словом, немецкое прижизненное издание избранных поэтических творений Жуковского представляло собой очередной творческий эксперимент, новое слово в русской литературе, важное в транслатологическом и в имагологическом плане. Своеобразие этого эксперимента составила удачная, на наш взгляд, попытка **двойного самопозиционирования в оригинале и автопереводе**, реализация двух различных **способов субъективации в этих текстах**, и современное издание en regard способно наглядно представить эту стратегию автора.

Параллельное существование текстов-дублетов как эдиционная форма видится наиболее адекватным для репрезентации немецкоязычного наследия В.А. Жуковского еще и потому, что имеет свою историю и традиции благодаря стараниям известных филологов XX–XXI вв. Прежде всего, речь должна идти о двух сериях изданий стихотворений en regard, посвященных осмыслению значения его переводов, составителем всех пяти книг выступил А.А. Гугнин. Впервые два тома зарубежной поэзии в переводах В.А. Жуковского, размещенных по соседству с оригиналами античной, английской, немецкой, французской и испанской поэзии (всего более 1200 страниц), вышли в 1985 г. В 1980–1990-х гг. в московском издательстве «Радуга» вышла целая серия изданий зарубежной поэзии в переводах русских классиков XIX–XX вв.: за двухтомником В.А. Жуковского (1985) [16] последовали соответствующие избранные переводы Б.Л. Пастернака (1990) [17], выполненные с семи языков, а также В.Я. Брюсова (1994) [18] – с пяти. На официальном сайте издательства эти «поэтические “билингвы”» доныне называются его гордостью.

Выбор формата в справочном аппарате открывшего серию издания стихотворных переводов Жуковского специально не объяснялся, однако комментарии были излишними в контексте ставшей классической статьи С.С. Аверинцева, вошедшей в сборник [16. С. 553–574]. Напомним, что ис-

следователь, привлекая преимущественно переводы с немецкого, обнаруживал истоки их колоссального значения для литературы и культуры в соответствии их основного содержания романтизму, определяя это содержание как «парадокс»: «парадокс Жуковского-переводчика» (гармония «переимчивости и субъективности») раскрывал «парадоксы более общего свойства». В-первых, речь идет о «парадоксе недостижимого», реализующемся в художественном переводе, функция которого для романтика заключается в «создании иллюзии достигнутого недостижимого», репрезентацию «неослабленного императива недостижимого», действующего и в том случае, когда «об экзотике говорить уже невозможно» [16. С. 559]. Во-вторых, исследователь отмечал исключительность частного типа первого парадокса, именуя его «парадоксом поэтического перевода» любой эпохи, т.е. того процесса, когда «иностранное стихотворение, становящееся фактом родной литературы, родной культуры», удерживает «приметы своей изначальной принадлежности другой почве», являя собой «пример тождества в различии и различия в тождестве». Этот самый парадокс предельно точно передает форма *texte en regard*, свойственная, как мы увидели, художественному мышлению Жуковского-читателя, писателя и издателя.

На рубеже тысячелетий тремя отдельными параллельными изданиями в издательстве «Рудомино» Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы вновь вышли избранные переводы немецкой, английской и французской поэзии, выполненные В.А. Жуковским [19–21]. «Немецкий том» получился почти вдвое объемнее двух других. Корпусы стихотворных текстов на русском и иностранном языках предварили вступительные статьи филологов-специалистов в сфере русско-европейских литературных связей: выступившего руководителем проекта и составителем сборников А.А. Гугнина, а также Н.Т. Пахсарьян и К.Н. Атаровой. Коллектив авторов специально сосредоточился на взаимоотношениях поэта-переводчика с англо-, франко- и немецкоязычной поэтической традицией. В данном случае наличие оригинала, как гласил анонс издания, прежде всего, должно было позволить «в полной мере оценить мастерство Жуковского-переводчика», соседство текстов на двух языках, следуя авторской концепции, имело пользу для владеющих обоими языками (отечественных и зарубежных) читателей, способных вынести собственное критическое суждение и о подлиннике, и о его эквиваленте, что вполне отвечало современным ожиданиям реципиента и актуальным стратегиям в эдиционной практике. Авторы серии изданий справедливо замечали, что «было бы искусственно отделять, скажем, влияние» Томсона от влияния Сен-Ламбера и Делиля, «строго разграничивать роль Геснера и роль Ж.Ж. Руссо в становлении писателя» [20. С. 9]. Однако признавали и то, что «в сознании читателей Жуковский прежде всего переводчик античной и немецкой поэзии» [Там же. С. 5] и «традиционно и, в общем, верно, В.А. Жуковский предстает в истории литературы как любитель, знаток и переводчик античной, немецкой и английской поэзии» [21. С. 5]. Опыты «германофила В.А. Жуковского» (В.В. Лобанов) по переводу на немецкий язык собственных творений в приведенных издательских проектах практически не упоминались, однако в одном из примечаний к своей более поздней работе А.А. Гугнин пояснил, что «из-за ограниченного объема книги связи (и

переводы) В.А. Жуковского с немецкой литературой представлены здесь далеко не полностью» [22. С. 287].

По своему типу русско-немецкий литературный билингвизм Жуковского не беспрецедентен и соотносится с иноязычным наследием поэтов, подводящих итоги своего творческого пути вне пределов России, их наследие обратило на себя внимание исследователей главным образом в веке XX в связи с фигурами И. Бродского и В.В. Набокова. Английские тексты и автопереводы этих писателей, хотя и достаточно широко освещены в науке о литературе, отечественному читателю стали частично доступны в формате *en regard* лишь в последние годы, что также симптоматично и навеяно современными тенденциями в гуманитарном сознании и межкультурном диалоге. Отдельно стоит упомянуть о книгах издательства «Азбука-классика», представившего в 2007 г. серии параллельных изданий на русском и английском языках «Набережную неисцелимых» («Watermark») [23] и «Об Одене» («On Auden») [24] И. Бродского, а также последнее неоконченное сочинение В. Набокова «Лайра и ее оригинал» («The original of Laura») [25].

Собрание немецких сочинений В.А. Жуковского, как это свойственно научному изданию, объединит под своей обложкой не только иноязычные произведения и их русские эквиваленты, но и вступительные статьи о его немецком слоге, о методе и стратегиях перевода в целом, а также комментарии к немецким произведениям, в которых планируется представить результаты разысканий об истории и восприятии иноязычных опытов поэта в России и за рубежом, об особенностях того или иного автоперевода, о месте произведений в контексте его творческой биографии.

Научное издание немецкой поэзии и прозы позднего Жуковского в наметенной отечественными и зарубежными литературоведами парадигме понимания «мира Жуковского» выступает актуальной задачей, решение которой наметит новые пути осмысления иноязычного наследия русских классиков. Вписываясь в обозначенную традицию параллельных изданий, задуманное собрание представит впервые полный корпус автопереводов поэта, обнажив две стороны его творческой индивидуальности, а точнее, два ее художественных языка в их сопряженности.

Литература

1. *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 11 (1-й полутом): Проза 1810–1840-х гг. / ред.: А.С. Янушкевич; редкол.: И.А. Айзикова, Э.М. Жиликова, В.С. Киселев, О.Б. Лебедева, Н.Е. Никонова, И.А. Поплавская. М.: Языки славянской культуры (Д.А. Кошелев), 2016. 1048 с.

2. *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 11 (2-й полутом): Господа нашего Иисуса Христа Новый Завет в переводе В.А. Жуковского / сост., вступ. ст., примеч. Д.В. Долгушина; гл. ред. А.С. Янушкевич; редкол.: И.А. Айзикова, Э.М. Жиликова, В.С. Киселев, О.Б. Лебедева, Н.Е. Никонова, И.А. Поплавская. М.: Языки славянской культуры (Д.А. Кошелев), 2016. 664 с.

3. *Gerhardt D.* Eigene und übersetzte deutsche Gedichte Žukovskijs // Горски Вијенац а Garland of essays offered to Prof. E.M. Hill. Cambridge, 1970. P. 118–154.

4. *Виролайнен М.Н.* Продуктивность непереводаемости // *Petra Philologica*: профессору Петру Евгеньевичу Бухаркину ко дню шестидесятилетия / отв. ред. Н.А. Гуськов, Е.М. Матеев, М.В. Пономарева. СПб., 2015. С. 30–40.

5. Айзикова И.А. Место и роль английского текста в метатексте «Вестника Европы» 1807–1811 гг., периода редакторства В.А. Жуковского (на материале прозы) // Текст. Книга. Книгоиздание: науч.-практ. журнал. Томск. 2014. № 1(5). С. 7–18.
6. Айзикова И.А. Французский и немецкий тексты в пространстве «Вестника Европы» периода редакторства В.А. Жуковского (1807–1811): на материале прозаических сочинений // Канунова Ф.З., Айзикова И.А., Никонова Н.Е. Эстетика и поэтика переводов В.А. Жуковского 1820–1840-х гг.: проблемы диалога, нарратива и мифопоэтики. Томск, 2008. С. 48–60.
7. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. / ред. коллегия: И.А. Айзикова, Н.Ж. Ветшева, Э.М. Жиликова, Ф.З. Канунова, О.Б. Лебедева, И.А. Поплавская, Н.Б. Реморова, А.С. Янушкевич (гл. ред.). Т. 13: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804–1833 гг. / сост. и ред. О.Б. Лебедева, А.С. Янушкевич. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
8. Никонова Н.Е. В.А. Жуковский и немецкий мир. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2015. 496 с.
9. Ребеккини Д. Перевод как инструмент образования в педагогической деятельности В.А. Жуковского (о сб. «Муравейник» 1831 г.) // Русская литература. 2016. № 3. С. 20–27.
10. Айзикова И.А., Матвеев И.А. О сочетании переводной и оригинальной прозы В.А. Жуковского в «Собирателе» (к вопросу об эволюции прозы писателя) // Изв. Том. политехн. ун-та. 2003. Т. 306, № 2. С. 147–154.
11. Янушкевич А.С. В мире Жуковского. М.: Наука, 2006. 523 с.
12. Екуч У. Литературный перевод между поэзией и прозой: О переводе «Неожиданного свидания» И.П. Гебеля Василием Жуковским // Petra Philologica: профессору Петру Евгеньевичу Бухаркину ко дню шестидесятилетия / отв. ред. Н.А. Гуськов, Е.М. Матеев, М.В. Пономарева. СПб., 2015. С. 342–356.
13. Никонова Н.Е. «Море» В.А. Жуковского в немецких переводах // Жуковский: Исследования и материалы. Томск, 2013. С. 225–246.
14. Vinitzky I. Vasily Zhukovsky's Romanticism and the Emotional History of Russia. Northwestern University Press. 2015. 386 p.
15. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. / редкол.: И.А. Айзикова, Н.Ж. Ветшева, Э.М. Жиликова, Ф.З. Канунова, О.Б. Лебедева, А.В. Петров, И.А. Поплавская, Н.Б. Реморова, А.С. Янушкевич (гл. ред.). Т. 4: Стихотворные повести и сказки / сост. и ред. А.С. Янушкевич. М.: Языки славянских культур, 2009. 640 с.
16. Зарубежная поэзия в переводах Жуковского: в 2 т. М.: Радуга, 1985. 608 с.+ 640 с.
17. Зарубежная поэзия в переводах Б.Л. Пастернака / сост. Е.Б. Пастернак, Е.К. Нестерова; на англ., нем., фр., исп., польск., чешск. и венг. яз. с параллельным русским текстом. М.: Радуга, 1990. 640 с.
18. Зарубежная поэзия в переводах Валерия Брюсова. М.: Радуга, 1994. 894 с.
19. Немецкая поэзия в переводах В.А. Жуковского М.: Рудомино: Радуга, 2000. 623 с.
20. Английская поэзия в переводах В.А. Жуковского / сост. К.Н. Атарова, А.А. Гугнина; предисл. и коммент. К.Н. Атарова. М.: Рудомино: Радуга, 2000. 367 с.
21. Французская поэзия в переводах В.А. Жуковского. М.: Радуга, 2001¹.
22. Гугнин А. Основные этапы истории немецко-русских и русско-немецких литературных связей // Балт. филол. курьер. Калининград. 2003. № 3. С. 287.
23. Набережная неисцелимых = Watermark: эссе / Иосиф Бродский. СПб.: Азбука-классика, 2007. 190 с.
24. Об Одене = On Auden / И. Бродский; [пер. с англ. Е. Касаткиной]. СПб.: Азбука-классика, 2007. 197 с.
25. Набоков В.В. Лаура и ее оригинал = The original of Laura: фрагменты романа / пер. с англ. Г. Барабтарло; под ред. А. Бабикова. СПб.: Азбука-классика, 2010. 384 с.

¹ Помещенные в книгу оригиналы стихотворений позволяют в полной мере оценить мастерство Жуковского-переводчика. Издание сопровождается вступительной статьей и расширенными филологическими комментариями Н.Т. Пахсарьян.

V.A. ZHUKOVSKY'S COMPLETE WORKS AND SELF-TRANSLATIONS IN GERMAN: THE PRINCIPLES OF SCIENTIFIC PUBLICATION AND ITS ROLE IN THE POET'S LITERARY HERITAGE PUBLISHING HISTORY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 48. 181–193. DOI: 10.17223/19986645/48/13

Natalia E. Nikonova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: nikonat2002@yandex.ru

Keywords: self-translation, V. A. Zhukovsky, Russian-German literary bilingualism.

In 2016, Volume 11 of the *Complete Works and Letters* by V.A. Zhukovsky was published, which meant the end of the colossal effort of Tomsk philologists headed by A.S. Yanushkevich to prepare and publish the poet's writings and diaries. The results of this publishing and research project, obtained within the framework of modern tendencies in humanities, lead to a new perception of the heritage of the first Russian romanticist, who was also the mentor of the Royal family and a recognized "genius of translation". These results have set up vital tasks to introduce Zhukovsky's German writings and self-translated compositions into scientific discourse. The article highlights the basic principles of publishing and textology in the forthcoming edition, which includes more than twenty pieces of prose and poetry.

For the first scientific publication of Zhukovsky's German writings and self-translations the "texte en regard" format was chosen, in which the original text and its translation run parallels. This type of layout conveys a particular literary consciousness form, which is crucial to understand the literary method of the poet and his epoch. The aim of this article is to conceptualize the meaning of this format in the history of the world's book culture with reference to the creative work of Zhukovsky, who was a reader, a writer, an educator and a thinker all at the same time. In the article this format is also discussed from the point of view of the publishing history of Zhukovsky's cultural heritage in the 20th–21st centuries.

His work as an editor in *Vestnik Evropy* [Herald of Europe] (1807 – 18011), in the periodical *Dlya nemnogikh* [For the Few] (1818), in the anthologies *Kolleksioner* [The Collector] (1829) and *Muraveynik* [The Ant Hill] (1831) marked stages in Zhukovsky's experiments with foreign texts, and those experiments involved translation into Russian. The final stage of his life and creative work, associated with his marriage and leaving for Germany, was also reflected in his experimental work on translating and editing. During that stage his main interest was to find the most effective strategies of transferring his own (both original and translated) writings into the German context.

Another reason why the author considers the parallel existence of the text doublets as a creative form of consciousness, an ideal form to represent Zhukovsky's German cultural heritage is that this method has had its long history and traditions due to the efforts of the well-known philologists of the 20th–21st centuries, mainly to A.A. Guginin.

The scientific publication of Zhukovsky's late German poetry and prose in the paradigm delineated by Russian and foreign researchers of "Zhukovsky's world" has definitely become an up-to-date task that will outline new ways to conceptualize Russian classics' literary heritage written in foreign languages. Fitting into the designated tradition of parallel editions, the intended completed works and self-translations in German is ground-breaking in the Russian publishing as it will represent for the first time all self-translations made by Zhukovsky and thus will reveal two sides of his creative individuality, or rather, its two literary languages, in their contingency.

References

1. Zhukovsky, V.A. (2016) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V dvadtsati tomakh* [Complete works and letters: In twenty vols]. Vol. 11. Pat 1. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
2. Zhukovsky, V.A. (2016) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V dvadtsati tomakh* [Complete works and letters: In twenty vols]. Vol. 11. Pat 2. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
3. Gerhardt, D. (1970) Eigene und übersetzte deutsche Gedichte Žukovskijs [Own and translated German poems of Zhukovsky]. In: *Gorski Vijenats: a Garland of essays offered to Prof. E.M. Hill*. Cambridge: Cambridge University Press.
4. Virolaynen, M.N. (2015) Produktivnost' neperevodimosti [Productivity of untranslatability]. In: Gus'kov, N.A., Mateev, E.M. & Ponomareva, M.V. (eds) *Petra Philologica: professoru Petru Evgen'evichu Bukharkinu ko dnyu shestidesyatiletiya* [Petra Philologica: To Professor Pyotr Bukharkin on his sixtieth anniversary]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.

5. Ayzikova, I.A. (2014) The place and role of the English text in the meta-text of "Vestnik Evropy" in 1807–1811, the period of V.A. Zhukovsky's editorship (based on the prose). *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 1(5). pp. 7–18. (In Russian).
6. Ayzikova, I.A. (2008) Frantsuzskiy i nemetskiy teksty v prostranstve "Vestnika Evropy" perioda redaktorstva V. A. Zhukovskogo (1807–1811): na materiale prozaicheskikh sochineniy [French and German texts in the space of Vestnik Evropy of the period of V.A. Zhukovsky's editorship (1807–1811): on the material of prose works]. In: Kanunova, F.Z., Ayzikova, I.A. & Nikonova, N.E. *Estetika i poetika perevodov V. A. Zhukovskogo 1820–1840-kh gg.: problemy dialoga, narrativa i mifopoetiki* [Aesthetics and poetics of V.A. Zhukovsky's translations of the 1820s–1840s: the problems of dialogue, narrative and mythopoetics]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Zhukovsky, V.A. (2004) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V dvadtsati tomakh* [Complete works and letters: In twenty vols]. Vol. 13. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
8. Nikonova, N.E. (2015) *V.A. Zhukovskiy i nemetskiy mir* [V.A. Zhukovsky and the German world]. Moscow; St. Petersburg: Al'yans-Arkheo.
9. Rebekkini, D. (2016) Perevod kak instrument obrazovaniya v pedagogicheskoy deyatel'nosti V.A. Zhukovskogo (o sbornike "Muraveynik" 1831 goda) [Translation as a tool of education in pedagogical activity of Zhukovsky (on the collection "Muraveynik" of 1831)]. *Russkaya literatura*. 3. pp. 20–27.
10. Ayzikova, I.A. & Matveenko, I.A. (2003) O sochetanii perevodnoy i original'noy prozy V.A. Zhukovskogo v "Sobiratele" (k voprosu ob evolyutsii prozy pisatelya) [On the combination of the translated and original prose of V.A. Zhukovsky in "Sobiratel'" (on the evolution of the writer's prose)]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Izvestiya of Tomsk Polytechnic University*. 306:2. pp. 147–154.
11. Yanushkevich, A.S. (2006) *V mire Zhukovskogo* [In the world of Zhukovsky]. Moscow: Nauka.
12. Ekuch, U. (2015) Literaturnyy perevod mezhdru poezii i prozoy. O perevode "Neozhidannogo svidaniya" I. P. Gebelya Vasiliiem Zhukovskim [Literary translation between poetry and prose. On the translation of "An Unexpected Date" by I.P. Gebel by Vasily Zhukovsky]. In: Gus'kov, N.A., Mateev, E.M. & Ponomareva, M.V. (eds) *Petra Philologica: professoru Petru Evgen'evichu Bukharkinu ko dnyu shestidesyatiletiya* [Petra Philologica: To Professor Pyotr Bukharkin on his sixtieth anniversary]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
13. Nikonova, N.E. (2013) "More" V.A. Zhukovskogo v nemetskiykh perevodakh ["The Sea" by V.A. Zhukovsky in German translations]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Studies and materials]. Tomsk: Tomsk State University.
14. Vinitsky, I. (2015) *Vasily Zhukovsky's Romanticism and the Emotional History of Russia*. Northwestern University Press.
15. Zhukovsky, V.A. (2009) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V dvadtsati tomakh* [Complete works and letters: In twenty vols]. Vol. 4. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
16. Gugin, A.A. (1985) *Zarubezhnaya poeziya v perevodakh Zhukovskogo v 2-kh tomakh* [Foreign poetry in the translations of Zhukovsky in 2 volumes]. Moscow: Raduga.
17. Pasternak, E.B. & Nesterova, E.K. (1990) *Zarubezhnaya poeziya v perevodakh B.L. Pasternaka* [Foreign poetry in the translations of B.L. Pasternak]. Moscow: Raduga.
18. Gindin, S.I. (1994) *Zarubezhnaya poeziya v perevodakh Valeriya Bryusova* [Foreign poetry in the translations of Valery Bryusov]. Moscow: Raduga.
19. Gugin, A.A. (2000) *Nemetskaya poeziya v perevodakh V.A. Zhukovskogo* [German poetry in the translations of V.A. Zhukovsky]. Moscow: Rudomino; Raduga.
20. Atarova, K.N. & Gugin, A.A. (2000) *Angliyskaya poeziya v perevodakh V. A. Zhukovskogo* [English poetry in the translations of V.A. Zhukovsky]. Moscow: Rudomino; Raduga.
21. Pakhsar'yan, N.T. (2001) *Frantsuzskaya poeziya v perevodakh V. A. Zhukovskogo* [French poetry in the translations of V.A. Zhukovsky]. Moscow: Rudomino; Raduga.
22. Gugin, A. (2003) Osnovnye etapy istorii nemetsko-russkikh i russko-nemetskiykh literaturnykh svyazey [The main stages of the history of German-Russian and Russian-German literary relations]. *Balt. filol. kur'er*. 3. pp. 287.
23. Brodsky, J. (2007) *Watermark: essays*. St. Petersburg: Azbuka-klassika. (In Russian).
24. Brodsky, J. (2007) *On Auden*. Translated from English by E. Kasatkina. St. Petersburg: Azbuka-klassika.
25. Nabokov, V.V. (2010) *Laura i ee original = The original of Laura: fragmenty romana* [The original of Laura: fragments of the novel]. Translated from English by G. Barabtarlo. St. Petersburg: Azbuka-klassika.